

Петровская академия наук и искусств

ВЕСТНИК ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМИИ

№3–4

(32–33)



2013

**7521 год
от
сотворения
мира**

СОДЕРЖАНИЕ

- Воронцов А. В.* С Новым Годом и Рождеством, дорогие друзья! 3
Майборода Л. А. Президенту Республики Украина 4

СОЗИДАТЕЛИ ОТЕЧЕСТВА

- Дубовская О. Ф.* Рыцарь русской науки.
О научном подвиге Василия Никитича Татищева (1686 – 1750 гг.) 5
Аникина К. Разведчик на поле боя и в науке.
Валентина Ивановна Шапошникова 15
Штурман пикирующего бомбардировщика
Николай Федорович Миронов 18

МАТЕМАТИКА

- Мануйлов Ю. С.* Комплексирование реактивных и аэродинамических исполнительных
органов орбитального самолета при спуске в атмосфере 21
Новиков М. Б. К вопросу о доказательстве проблемы Гольдбаха 28

ТЕХНИКА

- Греков В. Ф., Пьянков А. А.*
О возможности использования пневмопривода в наземном
пусковом устройстве беспилотного летательного аппарата 31
Греков В. Ф., Пьянков А. А.
О возможности использования инерционного привода в наземном
пусковом устройстве беспилотного летательного аппарата 41
Майборода Л. А., Алексеев Е. П., Романова Т. П., Войников О. Н.
Научно-технические достижения XX века на благо человечества 46

АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО

- Кериди П. Г., Корпач А. И.*
Современные технологии для решения задач геотехники в сложных
грунтовых условиях 50

ЭКОЛОГИЯ

Мельников Е. К., Смирнова С. А., Комов В. М.

Геодинамически активные разломы и их влияние на расселение человека и состояние его здоровья 55

Дмитриев В. Д., Касперович Е. В., Михайлова Т. Р.

Оценка экологической безопасности проведения геологоразведочных работ на прикамчатском шельфе Охотского моря 63

Ковалев Е.

Биоинформационная безопасность. Проект 69

МЕДИЦИНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Гришаев С. Л., Никифоров В. С., Свистов А. С.

Современная концепция электрической нестабильности миокарда у больных ишемической болезнью сердца 71

Лебедева И. Е.

Психосоматика с точки зрения научных, социокультурных и духовных факторов 78

Шамов И. А.

Высшее медицинское образование. Симуляция симуляционного обучения в медвузах РФ 83

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Винер-Усманова И. А., Терехина Р. Н.

Актуальные проблемы подготовки спортсменов в художественной гимнастике 87

Камбарова Э.

Комплекс упражнений для желающего избавиться от последствий радикулита и имеющего достаточную силу воли 89

«РУССКИЙ ЛАД»

Выступление Святейшего патриарха Кирилла 92

Зюганов Г. А.

Когда разрушается русское ядро... 95

Пшеницын А.

Предлагаю злу одуматься 97

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Монахов О. А.

Идея. Система идей. Идеология. Идеязнание. 100

Стрельченко В.И., Клименко И. И.

Научная картина мира и формы ее неклассических репрезентаций . . 108

Нугманов Р. Г.

Некоторые персоно-культурологические постижения в гуманитарном знании России 1999 – 2009 гг. 117

ИСКУССТВО

Башинская И. А.

В поисках новой образности. Творчество Б. Сергеева 121

Воронова Т. И.

50 лет без Александра Михайловича Герасимова 127

Монахов О.

Стихи 128

Денисюк В. И.

У каждого свой протест, но страна у нас одна – Россия. Стихи 129

ИСТОРИЯ

Хайруллин А. Н.

Из истории духовной культуры татарского народа болгарского периода 131

Хайруллин А. Н.

Образовательная система в школах-медресе Болгарского государства 136

СЛОВО ВЕТЕРАНА

Соколова Н.

Приказ «Спаси!» – выполнен 141

Вести из регионов

Сычёв А. В.

Двадцатилетие Новосибирского отделения ПАНИ 151

С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Дорогие коллеги!

От имени президиума Петровской Академии наук и искусств и редакции нашего журнала сердечно поздравляю вас с Новым 2014 годом!

Прошедший год стал для ПАНИ одновременно и трудным, и плодотворным.

Во-первых, ученые нашей Академии внесли важный вклад в работу над федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», разработав более 17 поправок к нему. Эти поправки были рассмотрены и рекомендованы к принятию профильной комиссией по науке и высшей школе Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Пять из разработанных депутатами совместно с профессиональным сообществом поправок были приняты Государственной Думой.

Во-вторых, существенную роль ученые ПАНИ сыграли в совершенствовании проекта закона о реформировании Российской Академии наук, который в первоначальном виде был категорически неприемлемым и даже разрушительным для отечественной науки.

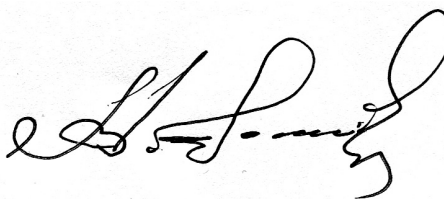
Внутри Академии, особенно в Санкт-Петербургском ее отделении, на протяжении 2013 года активно осуществлялась научная работа: был издан ряд монографий и других научных трудов, на высоком уровне прошли организованные учеными ПАНИ конференции, семинары и круглые столы, среди которых следует особо выделить конференцию, посвященную наследию великого русского ученого В.И. Вернадского.

Обновился и более эффективно заработал официальный сайт ПАНИ.

В рамках своей международной деятельности Академия включилась в организацию помощи народу Сирии, подвергающегося агрессии со стороны мирового терроризма. С гордостью отмечаем, что почетным членом ПАНИ стал президент Республики Сирия Башар Асад.

Уверен, что в 2014 году, осенью которого пройдет очередной Съезд ПАНИ, мы сможем еще в большей степени повысить эффективность деятельности Академии по всем направлениям нашей общей работы.

Редактор,
первый вице-президент ПАНИ,
доктор философских наук



А. В. Воронцов

Президенту Республики Украина

Уважаемый Виктор Владимирович!

Заставила меня сесть за письмо Вам политика руководства Украины по отношению к Российской Федерации, то есть России.

На Переяславской Раде было принято спасительное для территории и народа Украины решение о присоединении к России на вечные времена. Оно избавило народ Украины от гнета польских панов. Набеги крымских татар, турок сотни лет приводили к страданиям народа. Россия избавила народ от иноземного владычества на своей земле.

Что касается Европы. Сколько раз за предыдущие столетия Украинскую Землю топтали солдаты Европейских государств, сколько страданий вынес народ от 1-й и 2-й Мировых войн?! Неужели забыло руководство Украины об этих фактах? Неужели не болит сердце у руководства страны об угнанных в рабство в Европу украинских девушках и парнях, их сломанных судьбах?

Никогда Европа не смирится с независимостью восточных государств. Это показали события, произошедшие после развала СССР, – открытая агрессия США и НАТО против Югославии, поглощение восточнославянских государств в Евросоюзе и НАТО. НАТО является военным блоком, агрессивным к восточным странам, в том числе и к Украине. Иначе зачем сохранять НАТО как военный блок после ликвидации Варшавского договора.

Агрессивность этого блока показали бомбежки не только Югославии, но и поддержка албанских экстремистов, участие в агрессивных действиях против других суверенных государств в Ираке, Афганистане, постоянные угрозы Ирану. А разрушение процветающего Ливийского суверенного государства и убийство его руководителя Муамара Каддафи лишний раз показывает агрессивность блока НАТО по отношению к суверенным государствам, не согласным с его устремлениями к подчинению их своим интересам.

Теперь о России. После Переяславской Рады десятки тысяч русских солдат полегли на польских землях для освобождения Украины от польского гнета. С тех пор установились братские отношения украинцев и русских. А сколько миллионов русских парней полегло для освобождения Украины во время Великой Отечественной войны! Россия всегда заботилась об укреплении Украинского государства. Так, в 1918 году Украине были переданы земли Донбасса и частично Курской области из земель Русской империи, то есть России.

Передача Крыма, громадных по площади исконно русских земель России – последний акт доброжелательного отношения России к Украине. Это единственные акты в мировой истории доброжелательных братских отношений двух народов.

Неужели эти столетиями сложившиеся взаимоотношения двух народов можно похоронить актом присоединения Украины к враждебному для славянского мира Западу? История этого не простит.

Если говорить об экономических отношениях, то вхождение в Таможенный Союз, а в последующем, возможно, вхождение в союз России и Белоруссии создаст для Украины не только экономическую стабильность, но и надежную защиту от всяческих посягательств внешних сил и иноземных государств на будущее столетие.

История предательства ряда представителей Украины общеизвестна. Мазепа предал императора Петра и Россию в борьбе со шведами. И что он получил? Как собака сгинул в чужих, а не Украинских землях. А сколько бед приносила и приносит Украине бандеровщина под флагом заботы о собственном народе?

Господин Президент! Не советую Вам, как уроженец Донбасса, становиться наследником Мазепы. По-другому я не оцениваю вхождение Украины в ассоциацию европейских стран. Иначе Вас ожидает судьба Мазепы и проклятие Вашего народа.

Прошу Вас провести референдум, чтоб узнать мнение своего народа о судьбе Украины: быть ей под пятой Запада или в союзе с Россией и восточными странами, Китаем, Индией, Казахстаном и другими дружественными Украине странами.

Это письмо направляю Вам лично и в прессу для украинского народа. Выражаю не только личное, но и мнение миллионов украинцев, проживающих в России. Нам небезразлична судьба Украинского государства.

С надеждой на взаимопонимание,

*Председатель Русско-Украинского Братства,
Президент Петровской академии наук и искусств,
Лауреат государственной премии СССР,
доктор технических наук, профессор
Леонид Александрович Майборода*

197198, Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 34, кв. 112.
Тел.: 232-18-36

СОЗИДАТЕЛИ ОТЕЧЕСТВА

О. Ф. Дубовская,
историк, писатель, языковед

РЫЦАРЬ РУССКОЙ НАУКИ.

О научном подвиге Василия Никитича Татищева (1686 – 1750 гг.)

*«Для граждан гораздо полезнее,
когда процветает всё государство в целом,
а не когда отдельные лица преуспевают,
целое же разрушается».*

Фукидид

В начале XVIII в. в России произошло событие, равного которому по влиянию на судьбу страны невозможно отыскать ни в предшествующие, ни в последующие времена. Речь идёт о создании Российской академии наук, которая была учреждена приказом Петра Великого 28 января 1724 г. При Академии были также организованы университет и гимназия. Создание этих государственных научно-образовательных учреждений положило начало формированию в России научного общества.

Как известно, просвещение русского народа являлось одним из наиглавнейших направлений в деятельности Петра Великого. Царь умел увлекать идеями своё окружение, в котором находился и Василий Никитич Татищев. Историю русской науки, Академию наук и Библиотеку Академии наук в 18 в. невозможно себе представить без трудов Татищева.

Род Татищевых происходил по прямой линии от Владимира Мономаха (1053 – 1125 гг.). Далее предоставим слово документу.

В первой части «Российской родословной книги», изданной Князем Петром Долгоруковым в 1854 г., на стр. 140 читаем: «Также знаменитый боярин Александр Борисович Поля, предводительствовавший войсками Великого Князя Василия Дмитриевича, показаны и **Василий Юрьевич Татищ**, открывший заговор в Новгороде против Великого князя Василия Дмитриевича, показаны Поля правнуком, а Татищ праправнуком **князя Юрия Святославовича**, при Великом же Князе Василии Дмитриевиче изгнанного Витовтом из Смоленска».

Затем Князь Пётр Долгорукий, как будто предвидя клеветнические домыслы в XXI веке исследователей рода Татищевых, отвергающих его древнее происхождение, пишет: «Конечно, происхождение вышеупомянутых князей и дворян от удельных князей Смоленских не может подлежать никакому сомнению, потому что в старинной России прочие знатные роды, от Рюрика происходящие, никогда бы не позволили этим фамилиям не основательно выводить себя от Рюрика».

После этого замечания Князь Петр Долгорукий уточняет: «А не только в бархатной книге, но и в частных родословцах, в старину столь многочисленных, **все вышеупомянутые князья и дворяне беспрекословно признаны потомками Рюрика**». В разделе «Князья Вяземские» на стр. 146 под № 148 записано: «Василий Юрьевич Тать-ищ, родоначальник дворян Татищевых» (1).

Для детей Василия Юрьевича, который получил прозвание Тать-ищ (разыскиватель похитителей), это прозвание сделалось фамильным. Его сыновья Фёдор Большой, Дмитрий и Фёдор Меньшой Василевичи на страницах русской истории уже выступают под фамилией Татищевы. Проследим далее родословное древо Василия Никитича Татищева.

Фёдор Большой Васильевич Татищев имел младшего сына Матвея Фёдоровича. Матвей Фёдорович Татищев имел сына Афанасия (старшего), внука Лазаря Афанасьевича, правнука Степана



Татищев Василий Никитич
(1686 – 1750 гг.)

Лазаревича и праправнуков Юрия, Алексея и Михаила Степановичей. Сын Алексея Степановича – Никита Алексеевич Татищев – и был отцом нашего выдающегося соотечественника Василия Никитича Татищева.

И снова предоставим слово документу. Во второй части «Российской Родословной книги» на стр. 226 под № 74 указано: «Василий Никитич, тайн. сов.; р. 1686, умер 15 июля 1750 г.; жен. на Редкиной, рождённой Ботвиньевой» (Ред. – Авдотья Редкина (по первому браку и Ботвиньева по второму браку) происходила из дворян Андреевских).

Здесь же на стр. 226 под № 88 указаны сведения о сыне Василия Никитича Татищева – Евграфе Васильевиче: «Евграф Васильевич, действ. стат. сов.; р. 1717, умер 6 сент. 1781 г.; жен. 1) на Прасковье Михайловне Зиновьевой; 2) на баронессе N. N. Ивановне Черкасовой; 3) на Аграфене Федотовне Каменской, р. 25 марта 1733 г., умерла 29 дек. 1811 (от 1-го брака сын; от 2-го брака дочь; от 3-го брака 4 сына и 4 дочери)». (2).

Необходимо отметить, что все члены рода Татищевых внесли значительный вклад в развитие и становление Российского государства. Но особая миссия в роду Татищевых выпала на долю Василия Никитича Татищева. В.Н. Татищев – дипломат, основоположник русской исторической науки и географической науки, создатель Уральской горной металлургической промышленности, блестящий экономист, реформатор монет-

ной системы в России, создатель первых школ при Уральских заводах, основатель городов Екатеринбург, Оренбург, создатель первого в России лексического словаря, первый собиратель научных книг по российской истории и пр. пр.

Кроме того, Татищев В.Н. внёс огромную лепту в формирование книжного фонда Библиотеки Академии наук, чему и будет посвящена данная статья.

Вернёмся ненадолго в отроческие и юношеские годы Василия Татищева с тем, чтобы проследить его становление как учёного и государственного деятеля. В связи с рождением царевны Анны (1693 г.) сыновья Никиты Алексеевича Татищева – десятилетний Иван и семилетний Василий, были пожалованы в стольники. Близость В.Н. Татищева с самого раннего детства к верхам Российского государства позволила сформировать у будущего энциклопедически образованного человека твёрдые мировоззренческие принципы и государственное мышление, которого так не хватает многим чиновникам современной России XXI века.

В 1704 г. проводился очередной набор жильцов-стольников на службу в армию. Братья Татищевы Иван и Василий были зачислены в драгунский полк. В августе этого же года братья участвовали во вторичной осаде Нарвы и взятии её русскими войсками (в 1700 г. произошло первое сражение под Нарвой между русской армией Петра I и шведской армией Карла XII, закончившееся поражением русских войск).

Командир полка, в котором служил Василий Татищев, Автомон Иванович Иванов в своих поездках в Москву доверяет ему важные поручения, ценя в поручике аккуратность исполнения, предприимчивость, практическую хватку и необычайно пылливый ум. Офицер Василий Никитич Татищев своей самоотверженностью и результативностью исполнения порученных ему дел явно выделялся среди своих сверстников и, естественно, вскоре оказался в поле зрения Петра I.

В величайшем событии Северной войны – Полтавской битве 1709 г. – Василий Татищев получил ранение, находясь в это время возле Петра I. Впоследствии Татищев вспоминал: «...я ранен был подле государя, который сам всё распоряжал под ядрами и пулями, и когда по обыкновению своему он поцеловал меня в лоб, поздравляя ранением за Отечество. Счастливым был тот день...». Здесь, в Полтавском сражении, закончилась юность Василия Татищева, и он вступил в пору зрелости.

Каждая встреча Василия Татищева с Петром I, как правило, происходила в моменты, являющиеся судьбоносными для России, и



«Полтавская баталия 27 июня 1709 г.» П.-Д. Мартен Младший

вдохновляла молодого Татищева на бескорыстное служение Отечеству. Примером ему служил сам государь, отдавший всю жизнь без остатка становлению Русского государства. Надо полагать, что и Пётр I в лице Татищева Василия Никитича обрёл одного из самых благонадёжных и верных помощников.

Ненадёжность иностранных офицеров на русской службе выдвигала перед государем задачу подготовки своих, отечественных кадров. В 1712 г. Татищева посылают за рубеж для изучения инженерного дела, артиллерии, математики. Поездки в города Гданьск, Торунь, Берлин, Дрезден, Бреславль и на Аландские острова были неоднократными и связанными не только со служебными делами, но и с дипломатическими. Ремонт материальной части армейских подразделений, обеспечение личного состава обмундированием, подготовка места для заключения договора между Россией и Швецией – все эти поручения, как всегда, были исполнены блестяще.

Дух просвещения летал над Россией. И Татищев, понимая всю грандиозность и целесообразность просветительских петровских идей, находясь за границей, начинает покупать книги. В письме Я. В. Брюсу от 4 июня 1717 г. он пишет из Гданьска: «...Тако ж послал я к вашему превосходительству прежде всего роспись книг и ныне другую... Изволите повелеть мне, которые вам угодны, дабы, купя, на кораблях сего дня мог прислать...» (3).

А в письме от 14 июня 1717 г., тоже адресованном Я. В. Брюсу, он пишет из Гданьска, уточняя тематику приобретённых книг: «...О книгах вашего превосходительства доношу. Прежде сего послал я до вас две росписи *мафематических* и *алхимических* книг и изволите мне против оных повелеть отписать, которые вам угодны. Ныне *гисторических* новых при сем прилагаю роспись, а мню, что на ярмонке, которая будет здесь за пять недель, можно достать всяких книг...» (4).

В то время книги стоили очень дорого. Из пометок Татищева на книгах его домашней библиотеки видно, что он платил за них от пятидесяти копеек до восьми с лишним рублей. В этой связи следует вспомнить, что произведенный в чин капитан-поручика в 1718 г. Татищев получал жалованье всего 15 руб. в месяц.

Круг книжных интересов Татищева был необычайно широк. Он приобретал книги по истории, хронологии, этнографии, географии, грамматике, лексикону, богословскую литературу; книги по театру, садоводству, учебники по математике, геометрии, химии, астрономии, строительному делу, фортификации, артиллерии. Всё закупленное за границей Татищев отправляет единой упаковкой Я. В. Брюсу с тем, чтобы уже в Петербурге разобраться в этих приобретениях для того и другого. 9 августа 1717 г. из Данцига он пишет Я. В. Брюсу: «...Венгерское куплю тотчас и пришлю с прочими вещьми вашего превосходительства, яко деревья и книги на корабле, которой по осьми днех отсюда пойдёт в Петергоф с вещьми государевыми. По повелению вашего превосходительства *книги купил по обеим росписям...*» (5).

Как известно, Я.В. Брюс впоследствии все собранные книги из своей домашней библиотеки подарил Библиотеке Академии наук. В данном случае, и это бесспорно, значительная часть подаренных Брюсом книг оказалась в фонде Библиотеки Академии наук благодаря участию в их приобретении Татищева.

Отношение к наукам и книгам у Татищева было почти благоговейным. Он считал, что только знание и образование способны укрепить мощь государства. В своём труде «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» он утверждает: «...Благоразумный же политик всегда сущю истинною утвердить может, что науки государству более пользы, нежели буйство и невежество, произвести могут. Я вам прежде говорил, колико науки полезны, а незнание или глупость как себе самому, так малому и великому обществу вредительно и бедно...» (6).

Идея просвещения русского народа полностью захватила Татищева. Ещё впереди три года до учреждения Академии наук, а Татищев уже в 1721 г. в «Наказе комиссару Уктусского завода Т. Бурцову» пишет о необходимости создания школ в Сибири: «...определяю: построить школу для обучения *всех* детей здешних жителей таким образом: 1. Здесь, на *заводах* и в *каждой слободе* особно построить избы с сеньми и сделать по потребности красныя окошки, поставить столы и лавки, и в оных обучать ребят...» (7).

Философскую проблему размежевания добра и зла Татищев видит в существовании книг, как единственного источника, способного просветить сознание человека. Он считает, что обретение письменности и появление книг открыло человечеству путь к научному познанию мира. В «Разговоре



Яков Вилимович Брюс

двух приятелей о пользе науки и училищах» мы читаем об этом: «39. Что в науках от первой премены мира, то есть от обретения письма до пришествия Христова, явилось?»

Ответ. Великая перемена, ибо тогда вскоре многие нужные к наставлению нашему от умных и братолюбие совершенное имеющих людей начались книги, в которых истории прешедших времен или учения к нашей пользе представлялись; другие же законы духовные и гражданские сочинять и людей на благое наставлять, а от зла удерживать стали») (8).

И затем в вышеуказанном труде на стр. 78, п. 43 он раскрывает необходимость печатания книг большими тиражами: «...Чрез тиснение изданные хотя б во сте местах погибли, то ещё в 1000 и более таковые же целы останутся, как то по обретении тиснения в скорости множество полезных древних книг немалым числом стали печатать, а чрез то, оные всяк имея, способнее к распространению наук прилежать стали, многия училища и академии по разным местам устроены и чрез оные большой свет истиннаго разума открыли, тогда как в богословии, так филозофии, яко законоучении, мафематике, физике, гистории протчих вольных науках, яко и в полезных ремёслах, великое исправление явилось и от часу стало возрастать и распространяться, зане учёных от часу умножилось».

В 1720 г. Татищев назначен руководителем казённой горнозаводской промышленности Урала и Сибири. Переоценить вклад Татищева в развитие экономики России трудно: строительство металлургических заводов за Уралом обеспечило полностью потребности армии и флота и уже к середине 18 в. вывело Россию на первое место в мире по выплавке чугуна.

Сознавая, что без подготовки специалистов среди русского народа для освоения горнозаводского дела невозможно, Татищев в письме от 15 окт. 1723 г. комиссару Екатеринбургских заводов Ф. Неклюдову пишет: «... чтобы заводы же довольством обученными чтения, писания, арифметики и геометрии в лутчее состояние и размножение привести, определяю построить *школу для обучения **всех** детей здешних жителей* таким образом: 1. Школы построить при Исецких заводах, две избы большия, между ими сени, окна красные, столы, скамьи и протчее, что потребно к тому, чтоб было плотно, глатко, чисто и без скудости. 2. На всех заводах собрать детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и **всех** завоцких жителей, и оных обучать читать, писать, арифметике, геометрии и чертежей, а вольнопришедших принимать *всякого чина* людей и отдать в школы по их требованию...» (9).

Несколькими годами позже Татищев обращается в Академию наук с просьбой о помощи уральским металлургам: дать научную разработку процесса получения железа и высококачественной стали из различных по своему составу руд. Он просил учёных подготовить и напечатать труд по металлургии и прислать несколько сот экземпляров на Урал (Письмо № 130, см. библиографический источник, указанный выше). В этом же письме (№130) Татищев просит Академию наук помочь в комплектовании школьных библиотек пособиями и учебниками. Как известно, сам Татищев подарил школе «...более 1000 книг, устроая в Екатеринбурге школу, мою библиотечку подарил...» (10).

Для того чтобы охарактеризовать просветительскую деятельность Татищева, следует вспомнить ещё одно письмо: «Записка В. Н. Татищева об учащихся и расходах на просвещение» (11).

В «Записке...» предусматривалось создание двух новых академий или университетов, четырёх гимназий в разных городах, двух академий ремёсел и увеличение числа учителей и расходов на них до 110 тысяч рублей. (А в современной России «просветители» XXI века закрыли множество сельских и городских школ, сократили штаты учителей, закрыли университеты и военные Академии. Под каток деятельности «просветителей» попала и наша национальная гордость, наша святыня: Российская Академия Наук, детище Петра Великого).



Пётр Великий

По существу дела, Татищевым была предложена реформа по подъёму образовательной системы России на уровень не только соответствующий, но и во многом превосходящий тогдашнее европейское просвещение

В 1724 г. Пётр I отправляет Татищева в Швецию с тем, чтобы он изучил её гражданское устройство, монетное производство, пригласил шведских мастеров на уральские заводы и определил к обучению горному делу в Швеции молодых людей из России. Татищев как всегда самоотверженно и с честью выполняет все поручения государя.

Однако одним из важнейших дел, которые могут принести наибольшую пользу отечеству во время его пребывания в Швеции, для Татищева являлись его встречи с учёными и приобретение книг по разным вопросам. Профессор Упсальского университета Бенцель сообщает Татищеву о том, что в упсальской библиотеке в отделе «Rossika» находится во «множестве»

«российских древних историй» и прочих полезных книг на словенском языке, и он разрешает сделать с них копии. Понимая огромное значение рукописных материалов для воссоздания прошлого России, Татищев с благодарностью принимает предложение проф. Бенцеля и переписывает следующие книги:

«В десь: 1) Библия островская, 2) Библия московская, 3) Евангелие на престольное, 4) Кроника Стрыковского, переведена с польского, письменная три книги, 5) Калепина Лексикон с латинским, сочинён от Спарвенфельда, писан, три книги, 6) Житие Иоанна Дамаскина и царевича Иоасафа, письм. 7) Православные веры исповедание или правая вера. 8) О чинах обыкновенных и принимающих послон, выходах царских и пр. писано в царство Феодора Алексеевича. 9) Уложение и притом новоуказанные статьи по 7200 год, собраны по приказам. 10) Степенная книга.

В полдесть: 1) Грамматика славенская. 2) Лексикон славенский. 2 книги. 3) Статут короля Сигизмунда, пер. с польского. 4) Родословная очень старая. 5) Адама Богорица, Грамматика в четверть. 6) Кафехизм переведен с греческого в четверть» (12).

27 сентября 1725 г Татищев уведомляет Черкасова из Христианштадта о том, что он отправил на судне в Петербург ящик с книгами и с коллежскими письмами за печатью штокгольмской таможи. «И прошу вас, государя моего, чтоб пожаловали оный ящик до приезда моего у себя в доме удержали. Ежели же таможенные управители будут сомневаться, то прикажи распечатать и показать им, токмо чтоб не перебили писем» (13).

Книги, приобретённые Татищевым в Швеции, были доставлены в императорский кабинет, а затем значительная их часть поступила в Кунсткамеру, принадлежащую тогда Академии наук. Перечислим некоторые из них:

1) Петреева кроника российская. 2) Видекиндова война российская. 3) Вопрос о россиянах, христиане ли суть? 4) Шернгеймова мафематическая. 5) Скитова описание России письменная. 6) Описание ж России печатная на шведском языке в четв. и 6 книг Полгеймовых о машинах. 7) Книга о чинах войск цесарских, писанная. 8) Описание российского государства. 9) Две книги Перепшильдовы на трёх языках о древних историях.

После возвращения из Швеции в Россию в мае 1726 г. у Татищева наступил период московской службы. Его назначали членом Монетной конторы, перед которой стояла задача упорядочения денежного обращения в государстве. Татищев, фактически возглавлявший комиссию, предложил много научных разработок о поднятии кредитоспособности русской денежной системы на внешних и внутренних рынках.

Помимо государственной службы, Татищев неустанно продолжает заниматься поисками материалов для работы над «Историей Российской». В это же время он пишет философский труд «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», готовит новую редакцию статьи «Сказание о звере мамонте», которую под своим именем издаёт акад. И. Г. Гмелин, начинает писать «Духовную», составляет записку о государственном устройстве России «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном». Кроме того, Татищев пишет научный трактат на имя императрицы Екатерины Алексеевны «Об улучшении путей сообщения в Сибири».

Наиважнейшим событием в эти годы для Татищева явилось установление сношений и переписка с членами Петербургской Академии наук. До конца своих дней Татищев В. Н. принимал самое активное участие в работе Академии. Уже находясь в ссылке в с. Болдино Московской губернии, он отправляет в Академию наук археологические древности. В письме под № 249 И. Д. Шумахеру ссыльный учёный пишет: «... При сем посылаю в дар Академии несколько найденных здесь подземностей, яко: 1) челюсть нижняя слоновая с коренными зубами молодого слона, 2) две улитки или *conchi ammonis*, хотя малы, но все части видны, 3) камень подобен соту, 4) нечто подобно гороху окаменелому, и неколико *iar. iupci*, 5) с маркозитовою крупкою... С. Болдино 6 сент. 1748, В. Татищев» (14).

Особенную роль в научной деятельности Татищева сыграла переписка и деловые отношения с И. Д. Шумахером – библиотекарем Библиотеки Академии наук. В переписке между И. Д. Шумахером и В. Н. Татищевым был установлен творческий диалог по многим вопросам. Находясь по роду службы в различных городах России, Татищев продолжает разыскивать рукописи, оплачивает их переписку, а по необходимости – и переводы рукописей и отправляет Главному библиотекарю Академии И. Д. Шумахеру.

Но Академия получала от Татищева не только книги, но также и конструктивные предложения, касающиеся приведения в порядок «законов гражданских и правосудия», подавал предложения «о купечестве и ремёслах, из которого всё богатство истекает», представлял сочинения о реорганизации горных заводов. Кроме того, в Академию были поданы предложения «о устройении училищ и распространении наук» в России, разработан проект об учреждении почты и мн. др. научно обоснованные инициативы, которые «к немалой государственной пользе сочинил».

В свою очередь, И. Д. Шумахер всегда с готовностью отзывался на просьбы В. Н. Татищева о присылке ему новых книг. Книги по исторической тематике: Плиния, Бероза, Диодора Сикула,



Екатеринбург 1789 г.,
В. П. Петров (1770–1811), акварель

Геродота, Плутарха, Длугошевой Истории польской, двух частей Шеттенова «О начатках россиян»; трактаты по языковедению (лексиконы), географии, а также альбомы, карты, альманахи, издаваемые Академией, исправно отсылались в любой город, где В. Н. Татищеву приходилось нести государственную службу.

Таким образом, следует признать, что не только природный талант В. Н. Татищева определил появление из-под его пера таких научных трудов, как «История Российская», «Общее географическое описание всея Сибири», «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской», «Духовная», «Разговор дву приятелей о пользе науки

и училищах» и др. Появлению этих выдающихся трудов споспешествовала также и Императорская Академия наук.

Для того, чтобы понять, насколько важным для Татищева было его участие в формировании фонда Библиотеки Академии наук, достаточно вспомнить его отношение к иностранным и отечественным материалам. Получая из Академии книги иностранных авторов, он немедленно их переводил, а переводы отсылал в Академию. Обнаружив же русскую летопись, которая носила общий характер, или местную, он торопился сделать с них списки, а потом оригиналы сразу же отсылал в Академию. Именно благодаря такому подходу к материалу, Татищеву удалось сохранить для нашего отечества книги, занявшие достойное место в русской культуре.

Перечислим некоторые книги, отосланные Татищевым в Академию наук и которые донныне хранятся в Библиотеке академии наук.

1) Псковская летопись до 1461 г. (Описание РО БАН, стр. 325 – 327).

2) Алатырский список Воскресенской летописи (Описание РО БАН, стр. 335 – 337).

3) Лызлов Андрей «Скифская история» (Обзор РО БАН, стр. 438).

4) Кромер Мартин «De origine et rebus gestis polonorum». Перевод хранится в Рукописном отделе БАН (32.7.1).

5) Гельмольд «Chronica slavorum». Перевод хранится в БАН. (Обзор РО БАН, стр. 233, 440).

6) Антоний Делий «De oraculis veterum ethnicorum». Оригинал перевода хранится в РО БАН (17.15.21).

7) Страленберг Ф.-И. «Das Nord – und Ostliche Theil von Europa und Asien». Перевод хранится в РО БАН (31.6.10).

8) Никоновская (Львовская) летопись. С собственноручными правками Татищева хранится в РО БАН (Описание РО БАН, стр. 356 – 357).

(Полный перечень этих книг см. в книге «В. Н. Татищев «История Российская», Т. I, М., - Л., 1962, Примечания: стр. 444 – 462») (15).

Позволим себе кратко задержать внимание читателя на трёх книгах, которые составляют славу Русской исторической науки, честь открытия которых принадлежит Василию Никитичу Татищеву, и которые хранятся в Библиотеке Академии наук. Речь пойдёт о Новгородской летописи Младшего извода, о Правде Русской Ярослава Мудрого 1017 г. и о Судебнике Ивана Васильевича Грозного 1550 г.

Татищев, опираясь на исторические документы, утверждает, что русский народ ещё в глубокой древности жил в правовом поле. Учёный решительно отвергает ошибочное мнение, что «якобы до Уложения 1649 г.» в России не было никаких законов.

В «Лексиконе...» Татищев пишет: «...Но мы находим весьма древние законы: 1) Славенский, сочинённый задолго до прихода Рюрика, на которой Олег I и по нём Игорь... в договорах со греки ссылаются и в нём точно то написано. 2) Ярослава I-го, в 1017 году данной новгородцам. Оные оба поп Иван новгородский, живший при Александре Невском, в его летописи до нас сохранил... Ту древнюю летопись (Иоанна) и законы со истолкованием отдал в Академию наук, которые за ненапечатанием лежат туне и мало кто знает... Судебник царя Иоанна со истолкованием вышеобъявленным со многими весьма нужными последовавшими по 1610 год указами вышеписанным приобщена...» (16).

А в труде «Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах» Татищев даёт стилистическую характеристику Судебника 1550 г.: «...В сем Судебнике удивления и похвалы достойно, что законы писаны кратки и внятны, речение самое простое, как тогда говорили; И хотя во оном нечто от чужестранных взято, яко поединки или полевой бой... но не единого слова чужестранного не внесено» (17).

Как пишется в предисловии к «Судебнику 1550 г.» и «Правде Русской» Ярослава Мудрого, подготовленных им для печати в Академии наук с его собственными «примечаниями», история открытия «Судебника 1550 г.» следующая. «Царь Иоанн Грозный, как был царь мудрый и в правосудии многое тщание изъяснил и в свою вечную память его судебник и некоторыя в дополнение законы хвалы достойныя, оставил. Оня я нашёл у одного человека собранныя в книге писанной с прописью золотом и в золотом бархате с застёжками серебряными переплетенной, которую я в 1734 году, яко вещь дивную, поднёс Государыне Императрице Анне Иоанновне, а копию точную отдал в Академию наук. Оную книгу купил из дому Бартенева, которых предок был казначей дому Александра Никитича Романова...» (18).

Эта рукопись хранится в Рукописном отделе БАН (17. 18. 19) и была использована при последнем издании Судебников XV – XVI вв. (Судебники XV – XVI вв., М., - Л., 1952).

Не было ни одного документа, ни одной русской или зарубежной летописи, находившейся в руках Татищева, которые бы он не прокомментировал, вскрывая причину того или иного исторического события и при этом не пояснил бы смысла и значения тех или иных терминов. Свидетельством такого глубокого научного подхода к материалу служит и «Судебник 1550 г.». Мы позволим себе привести несколько примеров объяснений старинных терминов, которые Татищев представил в своём обширном «Изъяснении» к «Судебнику 1550 г.».

В статье 7-й используется термин «опала», практически вышедший из употребления в современном русском языке: «...и тем, которые управы неучинят, быти у Государя вопале...». Татищев раскрывает всю тяжесть государевой опалы, свалившейся на голову провинившегося. «(7). **Опала** есть гнев государев по достоинствам людей и преступлениям; различествовал яко 1) знатному не велят ко двору ездить, 2) не велят со двора съезжать: и сии, как скоро кому объявят, обыкновенно чёрное платье надевали, 3) в деревне жить, 4) писали по городу ко дворяне отняв чин, 5) в тюрьму сажали, о котором выше сказано» (19).

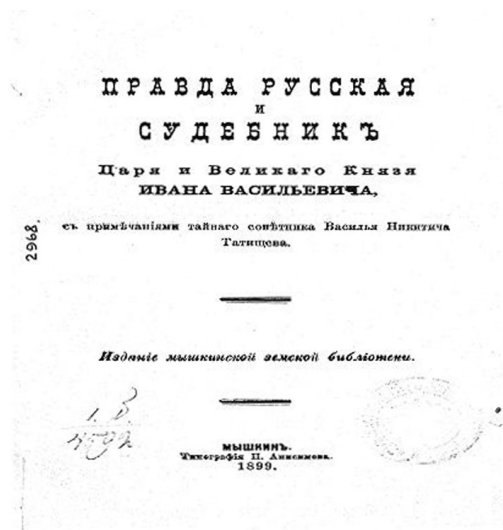
Из этого объяснения термина «опала» перед нами раскрывается картина правового поля, существовавшего в XVI веке. Быть в опале – значит оказаться отлучённым от царского дома и остаться в полном одиночестве, не нужным государству человеком, человеком, отринутым обществом. Кроме того, «опальному» запрещалось покидать свой дом, да к тому же добавлялось унижительное требование: ходить в чёрном платье. Как известно, в чёрном платье ходили рабы в Древнем Риме, цветную же и светлую одежду носили только свободные граждане. Из пояснений Татищева мы узнаём также о том, что если человек провинился, то по всему городу развешивали объявления с именем этого человека, предварительно сняв «опального» со всех должностей; сажали в тюрьму.

Нам представляется вполне оправданным применение и к современному чиновничьему аппарату России тех действий, которые влечёт за собой термин «опала», «изъяснённый» В. Н. Татищевым. К сожалению, нашему взору предстанет безутешное зрелище, совсем не радующее сердце русского человека: сотни тысяч бывших чиновников, лишённых своих должностей вынуждены будут ходить в чёрном платье, разрушая цветовую гармонию в одеянии россиян, и им нельзя будет покидать пределы страны.

В статье 10-й Судебника 1550 г. есть упоминание о денежной единице «алтын», бывшей очень долго в употреблении среди населения страны и неизвестной в сегодняшней денежной системе. Теперь об «алтыне» нам напоминают лишь некоторые страницы художественных произведений русской литературы XVIII – XIX вв. Татищев разъясняет происхождение термина «алтын» и показывает негативное отношение к нему Петра Великого. «Алтын» напоминал о многолетнем и унижительном гнёте русского народа со стороны татарских племён.

Татищев пишет в «Изъяснении»: «Алтын слово Татарское, значит шесть, ибо шесть денег разумеет. Пётр Великий, хотя сию мерзость и воспоминание власти Татарской искоренить, **запретил** оное в щетах писать, а числить рублями и копейками...» (20).

Сегодня в России имеют свободное хождение такие денежные знаки, как американские доллары и евро, что с точки зрения Татищева говорит о существовании над Россией гнёта иностранных держав, хозяев этих денежных знаков. В этой связи невольно возникает мысль, что на Русь пора призывать такого государя, как Пётр Великий, который бы «сию мерзость» (доллары и евро) **запретил** в употребление.



Правда Русская и Судебник 1550 г.



Обложка «Истории Российской» В. Н. Татищева.
1768 г.

при том». Татищев так описывает этот хронограф: «Он весьма ветх, взят у одного раскольника в лесу и отдан мною в Библиотеку Академии наук... В нём же единственно закон Ярославов точно находится». И далее мы читаем: «7-й, Псковской, начинается временем Ярослава, а кончится смертью великаго князя Василия Васильевича, до лета 1468-го. И сии оба мною подарены Академии наук» (21).

Как видно из этого сообщения о древних русских летописях, всё, что приобретал, находил и переписывал, Татищев торопился отсылать в Библиотеку Академии наук. Неоднократно он предлагал Академии наук приступить к печатанию «древних российских летописцев» с тем, чтобы со временем «российская история...будет приведена в лучшую ясность». Татищев рассчитывал, что и Новгородская летопись, содержащая «закон Ярославов», привлечёт внимание учёных, будет издана большим тиражом и распространена среди населения для его просвещения. Однако, как известно, не только Новгородская летопись, но и ни одна из исследовательских работ нашего русского, энциклопедически образованного учёного Василия Никитича Татищева при его жизни издана не была.

В письме под № 134 И. Д. Шумахеру от 21 дек. 1735 г. Татищев пишет: «...при моём отъезде вы обещали напечатать полученную от меня Новгородскую летопись и показали один лист, но как вижу, это дело прекращено...Мне, однако, она очень нужна для заполнения многих мест в истории... Поэтому прошу списать и прислать мне. Между тем остаюсь вашим, мой государь, верным слугой. В. Татищев, Екатеринбург, 21 декабря 1735 г.» (22).

В 1740 г. Татищев вновь поднимает вопрос перед Академией наук об издании «Сборника древних законов», которые он подготовил к печати и предлагает план издания источников. В «Сборник» вошли обращение к читателю, Правда Русская, Судебник 1550 г. с комментариями и «Указы дополнительные к Судебнику».

В письме под № 182, адресованном И. Д. Шумахеру, Татищев пишет: «... При сем высылаю древние законы для напечатания, которые, мною, и списывать не надобно, токмо б приложенный лист моей руки не утратили... можно сие за первую часть почестъ, а к тому новизны, положенные в немецких, приобсчить. II часть может духовные великих князей зделать., в III некоторые старинные грамоты, в IV соборы, бывшие в Руси. Итак оные ис таких вещей собирать, которые в гисториях вносить неудобно...» (23).

Насколько высоко ценил Татищев книги с любой информацией о Древней Руси, мы узнаём из следующего эпизода. Речь идёт о труде польского историка Кромера Мартина «De origine et rebus gestis polonorum» (Basileae, 1555). По поручению Татищева этот труд был переведен с латинского Кондратовичем. Затем перевод был выправлен Татищевым по оригиналу и отправлен в Академию наук со следующим комментарием: «...что хотя во оной на Русское государство многое лжи и злобные поношения и клеветы находятся, однакож я всё велел перевести, как творец написал...Оную послал какова есть, и о напечатании оной предаю в рассмотрение императорской Академии наук...» (24).

Рукопись перевода труда Кромера Мартина хранится в Рукописном отделе БАН (32.7.1).

Из этого письма, как и из множества других писем, адресованных Академии наук, мы обнаруживаем одну из лучших черт характера истинно русского учёного: служение отечественной науке не ради корысти, а для её славы. Следует вспомнить, что Василий Никитич Татищев не состоял членом Императорской Петербургской Академии наук, и все книги, которые он отсылал в Академию наук, были приобретены им за свои собственные деньги, а не за деньги, взятые из государственной казны. Как оценить, какой мерой в данном случае можно взвесить отношение Татищева к Академии

Обратим также внимание на ещё один памятник русского права, открытый Татищевым. Речь идёт о «Правде Русской», или, как её чаще всего именуют, «Правде Ярослава Мудрого 1017 г.».

«Правду Русскую» Татищев обнаружил в Новгородском Хронографе под названием «Времянник, иже наречется летописание русских князей и земля Русская». Это известный Академический список Новгородской первой летописи Младшего извода, которую Татищев называл летописью Иоанна. В настоящее время эта летопись хранится в рукописном отделе БАН. На переплёте рукописи сохранилась отметка библиотекаря Академии наук: «Летописец попа Ивана по названию В. Н. Татищева 1737 году». (Описание РО БАН, стр. 310, 311).

В главе седьмой «О списках или манускриптах», автор «Истории Российской» в п. 6 пишет: «...писатель в 1230-м году о себе тако сказует: «Погребён бысть игумен и мне, Иоанну попу, бывшу

наук вообще и к Библиотеке наук в частности, фонды которой он пополнял ценнейшими литературными памятниками, исследуя которые значительно позже, уже другие учёные получали звания профессоров, докторов наук и академиков?

Без сомнения, и это очевидно, несмотря на стяжательство окружающих его чиновников, стремлением тогдашних академиков (а в Академии сидели одни немцы) извлечь максимальную прибыль из занимаемых академических должностей, Татищев своими высоконравственными поступками продемонстрировал тот моральный кодекс, если можно так сказать, по принципам которого и должна развиваться наука и трудиться государственные чиновники: интересы национальные и общественные всегда должны превышать интересы личные. Только в этом случае в обществе возникает единство интересов, поднимается на высокий уровень нравственность и обеспечивается поступательное развитие государства.

И, наконец, рассмотрим ещё одну книгу, которая является воистину бесценным сокровищем для русской науки: «Книга Большого Чертежа». Эта книга была открыта для науки Татищевым и подготовлена им для печати. Текст был составлен на основании нескольких имевшихся у него списков и, как было принято у Татищева, снабжён примечаниями («изъяснениями»). Примечания были составлены на основе больших географических знаний учёного и на данных геодезических съёмов, которыми он располагал.

В письме к К. Г. Разумовскому от 24 дек. 1747 г. ссыльный учёный пишет: «...При сочинении географического русского лексикона я имею нужду употреблять печатанные при Академии ландкарты, но ныне нашёл со многими недостатки и погрешности...». И далее Татищев пишет о путанице и недочётах, которые существуют на этих картах: «...1) многие города и места знатные не положены, 2) положены далеко от надлежасчих мест, 3) некоторые, а более реки, не подписаны, 4) города без рек на пустых местах, чему быть не можно, 5) знаки городам положены монастырей и сёл или деревень, а деревни и сёла городам, 6) реки нужные ко известию не положены или не туда течением проведены, и другие многие погрешности...» (25).

Читая замечания Татищева к географическим картам, изданным Академией наук, приходишь к огорчительному мнению, что эти карты составлял человек или несведущий в географической науке, или же сознательно фальсифицирующий русскую географию. По-видимому, именно эта причина и заставила Татищева отправить в Академию «Книгу Большого Чертежа», которая должна была внести полную ясность в «ландкарты» Российской империи.

В этом же письме он пишет: «...Для сего я книгу, имянуемую *Большой Чертёж* Академии сообщил, надеялся, что о исправлении и дополнении оной, яко весьма к географии полезной, прилежание учинено будет...».

Также в этом письме Татищев сообщает, что он высылает исторические документы: «...выписка из архива Синбирской, к истории царя Алексия весьма нужная. Затем, если возможность допустит, такие же выписки из архив Казанской, Астраханской и Сибирской сочинить и прислать не оставлю, которые состоят из пяти немалых фолиантов, что инде к истории сыскать не можно...»

Итак, список «Книги Большого Чертежа», с примечаниями и «рописью алфавитической» был прислан Татищевым в Академию. Сейчас «Книга Большого Чертежа» хранится в РО БАН (16.13. 23).

Завершая исследование о роли В. Н. Татищева в деле формирования фонда Библиотеки Академии наук, мы сочли необходимым напомнить российскому научному сообществу о географическом открытии планетарного масштаба, совершённого В. Н. Татищевым. Как известно, В. Н. Татищев по праву считают основоположником не только исторической науки, но и географической. Открытию предшествовали геодезические съёмки, под руководством Татищева в течение нескольких лет.

В результате новых данных им были составлены ландкарты с описанием Верхнего, Среднего и Нижнего Урала и с прилегающими к этим горам с запада и востока губерниями и провинциями. Анализируя географическое расположение Урала (судя по письмам, анализ проводился около 1736–1738 гг.), Татищев приходит к выводу, что **горы представляют собою не что иное, как границу между двумя континентами: Европой и Азией**. В «Лексиконе...» учёный приводит подробное описание географических объектов, которые определяют **протяжённость границы между Европой и Азией**.

«**Великий Пояс**, горы каменные, на севере **граничащие Азию от Европы**. Они начинаются на севере при Вайгаче меж рек Печоры и Оби и продолжаются гребнем или грядою до вершины Яика и по Яику до Оренбурга, от которой разделились надвое, несколько на запад по реке Самаре и до Волги, однако ж не весьма великие, другие поворотили к востоку от Китая. И по долготу оных положению разделяются на разные имяна, яко павлинское и Верхотурья, Волчии против Катеринбурга, далее в Башкирии разные имяна, но собственно все татарские: Урал, или Пояс, от вершины Яика на восток – Кичик или Малые, далее около вершины Тобола – Китык, то есть Счербатые и Гребень, около вершины Иртыша – Алтай, по вершине Оби и до Енисея – Саян и Хатай, к вершине Селенги – Ткикин и проч. Поперёг их неравно, от 50 до ста вёрст счисляют. Сии от запада к востоку древние географы, не имея никакого обстоятельного известия, просто Гипербореи, или Северные

горы, а к северу лежащие, мнятся, Рифеи имяновали. Или Рифей, те, что от Печоры к Двине продолжаются...» (26).

Как ни покажется это странным, но грандиозное открытие Татищевым границы между Европой и Азией для отечественной науки прошло незамеченным. Вместе с тем следует заметить, что эпоха, в которую жил Татищев, была знаменита своими географическими открытиями в Арктике, северной части Тихого океана и Сибири. Пётр Великий отправляет экспедиции для определения границ между Азией и Америкой, замысливает отыскать пути в Китай и Индию через Ледовитый океан, мечтает о создании генеральной карты всей России. Ею-то и занимался Татищев. И если моря, мысы, проливы назывались именами людей, их открывшими (море Лаптевых, мыс Челюскина, Берингово море, мыс Дежнева и пр.), то бесспорно, и **Уральский горный хребет**, признанный всем мировым научным сообществом за **едиственно достоверную границу между Европой и Азией**, должен носить имя **Татищева** – русского учёного, открывшего и описавшего это географическое разделение двух континентов. На наш взгляд, в этом случае будет восстановлена справедливость в отношении географического открытия планетарного масштаба.

Выводы

В данной статье мы проанализировали лишь небольшую часть огромного вклада В. Н. Татищева в русскую культуру – его научную и просветительскую деятельность, а также творческое содружество с Императорской Академией наук, и пришли к следующему выводу.

Собирание рукописных материалов, воссоздающих прошлое России, научной литературы по математике, горному делу, языкознанию, географии и др., их описание и отправка в Академию наук с надеждой на их публикацию рассматривалось В. Н. Татищевым как наиважнейшая государственная задача.

Вся деятельность В. Н. Татищева являет собою пример бескорыстного и самоотверженного служения отечественной науке и просвещению. В своих научных занятиях он не искал ни собственной пользы, ни личной славы, а рассматривал их как выполнение долга перед Отечеством. Все его книги представляют собою крупнейшие памятники русской истории, географии, философии, языкознания, многие из которых находятся в Библиотеке Академии наук и составляют её славу.

Бесспорно, к Василию Никитичу Татищеву могут быть применимы его же собственные слова, что он составлял свои труды «к славе и чести любезного отечества».

Литература

1. «Российская Родословная книга», издаваемая Князем Петром Долгоруковым. Часть первая. С.Петербург. Печатано в типографии Карла Вингебера, 1854.
2. «Российская Родословная книга», издаваемая Князем Петром Долгоруковым. Часть вторая. СанктПетербург. Печатано в типографии Эдуарда Веймара. 1855.
3. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717 – 1750 гг. М., 1990. Письмо № 3.
4. Там же. Письмо № 4.
5. Там же. Письмо № 5.
6. В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л., 1979 г. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах, пункт 46. С. 83.
7. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717 – 1750 гг. М., 1990, письмо № 20.
8. В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л., 1979 г. С. 71.
9. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717 – 1750 гг. М., 1990, письмо № 25, глава первая на десять, О школах и учении детей. С. 87.
10. Там же. Письмо № 243.
11. Исторический архив. Т. VI. 1951. С. 279.
12. Новья известия о В. Н. Татищеве адъюнкта П. Пекарского. СанктПетербург, 1864. С. 20.
13. Там же. С. 27.
14. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717 – 1750 гг. М., 1990. Письмо № 249.
15. В. Н. Татищев. «История Российская». Т. I, М., - Л., 1962. Примечания: стр. 444 – 462.
16. В. Н. Татищев. Избранные произведения, Л., 1979 г. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Графа «Закон гражданский и царский». С. 282.
17. Там же. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. С. 127.
18. Правда Русская и Судебник Царя и Великого Князя Ивана Васильевича с примечаниями тайного советника Василия Никитича Татищева. Мышкин: Тип. П. Анисимова, 1899. Предъизвещение. С. III.
19. Там же. Изъяснение. С. 115.
20. Там же. Изъяснение. С. 116.
21. В. Н. Татищев. История Российская. Глава седьмая. С. 124.
22. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717 – 1750 гг. М., 1990 г. Письмо № 134.
23. Там же. Письмо № 182.
24. Там же. Письмо № 146.
25. Там же. Письмо № 241.
26. В. Н. Татищев. Избранные труды. Л., 1979 г. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. С. 207.

Клара Аникина, журналист

РАЗВЕДЧИК НА ПОЛЕ БОЯ И В НАУКЕ Валентина Ивановна Шапошникова



*Валентина Шапошникова,
медсестра 1-й отдельной бригады
морской пехоты, 1942 г.*

Мы шли на встречу с легендарной женщиной и были удивлены, как сложно и долго пришлось плутать по заснеженным дворам Института Лесгафта (так по старинке называли Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта), чтобы наконец найти скромное помещение, в котором расположен кабинет Валентины Ивановны Шапошниковой, заведующей отделом спортивной педагогики и психологии НИИ социально-экономических проблем и спортивно-оздоровительных технологий. Поднимаемся по темноватой скрипучей лестнице на второй этаж и вскоре находим кабинет Валентины Ивановны. Я знаю, что она немолода и живёт очень далеко от института, каждый день совершает нелёгкое путешествие на далеко не лучшем городском транспорте...

Моложавая, хрупкая женщина встречает нас неожиданно крепким пожатием интеллигентно тонкой руки. Как-то очень скоро мы попадаем под обаяние Валентины Ивановны, и это естественно, – ведь она много лет живёт и работает в окружении молодёжи, и молодёжи спортивной – открытой, искренней и доброжелательной. Ведь и сама она начинала в этих стенах студенткой...

С тех пор прошли годы и годы, опалённые войной, окрылённые Победой. В первые же дни Великой Отечественной войны студенты Института имени Лесгафта уходили добровольцами на фронт.

И так случилось, что воевала Валентина Ивановна не так уж и далеко от своего вуза – сначала медсестрой в морской пехоте под Красным селом. Положение было такое, что в атаку вместе с моряками пошёл нарком Ворошилов, его ранило, и подруга Валентины Ивановны перевязала ему рану, Валентина Ивановна перевязывала других раненых.

Затем, уже осенью, вместе с подругами – Валей Грицук, Люсей Букахиной, Зиной Чердаковой и Тосей Хархориной Валентина Ивановна оказалась на переднем краю обороны города Колпино.

Никто тогда не знал и не думал, что когда-то наступит глобальное потепление, которое вызывает массу неприятностей сегодня. Холодный ноябрь предвещал суровую зиму, а город, уже бедствующий в блокаде, готовился к главному празднику Советского Союза – 7 ноября.

Комдив попросил девушек – студенток института физкультуры, служивших в дивизии, организовать праздничный концерт прямо в траншее стрелкового полка – недалеко от цехов Ижорского завода и в сотне метров от вражеских окопов.

Валентина Ивановна и её подруги читали стихи, пели песни: уже полюбившуюся фронтовикам «В землянке» и совсем новую песню Исаковского и Блантера «В лесу прифронтовом».

В подмороженном воздухе дивно звучал нежный голос Тоси Хархориной! Даже немцы, что мёрзли в своих окопах в ста метрах от наших траншей, притихли, слушая девичью песню.

Но как же были удивлены зрители-бойцы, когда Зина Чердакова вдруг сбросила шинель и осталась в купальнике – её гимнастические упражнения стали гвоздем программы.

– Командиру полка так понравилось наше выступление, что он попросил нас повторить его в честь праздника в клубе Колпино. Возможно, колпинские старожилы помнят этот концерт ноября сорок первого года, – вспоминает Валентина Ивановна и продолжает:

– Для Вали Грицук это была последняя радость. Вскоре она погибла в одной из боевых операций. После ее гибели я написала стихи в память о боевой подруге, там были такие слова:

*Пролетят невзгоды и ненастья,
Верю – отгремит последний бой.
Молодость пойдет вперед за счастьем
По лыжне, проложенной тобой.*

Вряд ли думала юная поэтесса-фронтовичка, что напишет ещё много стихов о боях, пожарищах, о друзьях-товарищах, и эти стихи станут памятью сердца о боевом пути.

...На войне зачастую совершенно неожиданно и необходимо приходилось менять воинскую профессию.

Фронту нужны были зоркие глаза, отменная реакция, умение быстро и сноровисто учиться новому делу, и медицинская сестра становится артиллерийским разведчиком.

Это серьезная военная профессия: вести наблюдение за действиями противника, замечать и запоминать каждый холмик, кустик, определять координаты расположения его орудий, корректировать огонь своей артиллерии, фиксировать его результаты.

Непонятно, почему мы отмечаем 8 сентября – начало блокады: кольцо замкнулось, и враги думали, что это их победа...

Логичнее было бы нам отмечать 25 сентября, когда немецко-фашистские войска по всей линии фронта вынуждены были перейти к обороне. Дальше они не продвинулись ни на метр. Но ожесточенность противостояния с врагом не снижалась.

И вот недавняя студентка, артиллерийский разведчик Валентина на крыше одного из домов по улице Ленина города Колпино корректирует огонь наших батарей по знаменитой «Берте», самой крупнокалиберной пушке фашистов, которую специально привезли, чтобы сокрушать Ленинград. Не помогла фашистам «Берта».

Однажды артиллерийская разведка обнаружила на нейтральной полосе брошенные врагом орудия. Решено было эти орудия забрать себе – лишними несколько стволов ведь не будут.

В ночной операции по захвату вражеских орудий самое непосредственное участие принимала артиллерийский разведчик Валентина. Пушки удалось-таки из-под носа гитлеровцев, как говорит сегодня Валентина Ивановна, украсть. Но не обошлось и без стрельбы. Одного бойца ранило. В бедро. Юная артрязведчица взялась перевязывать, но парень застенялся, и пришлось Валентине, стоя спиной к застенчивому раненому, объяснять товарищам, как правильно наложить повязку. За боевую операцию по захвату вражеских орудий Валентина Ивановна награждена медалью «За боевые заслуги».

Война не женское дело, но когда Родина в опасности, то ее сыновья и дочери берутся за оружие. Воюют, погибают, совершают подвиги.

Однажды часть, в которой служила Валентина Ивановна, попала в окружение. Положение отчаянное, и командир передового отряда артиллерийской разведки решил вызывать огонь на себя, но погиб радист. И тогда к рации села Валентина Ивановна и связалась с начальником артиллерии корпуса: «Вызываем огонь на себя!» – и точные координаты...

Генералу и удивиться-то не было времени, услышав такие слова, сказанные девичьим голосом. И снаряды пошли в указанную Валентиной цель.

Свои орудия бьют по назначенной тобой цели, а цель – это твое хрупкое девичье тело, такое храброе и так жаждущее жить сердце. Свои снаряды их пощадили, но пробиваться пришлось с боем. Валентине впервые пришлось отбиваться от врагов гранатой. Отбились, и почти на отмороженных ногах она вывела бойцов с того жуткого поля, перейти которое – значило жить!

За этот подвиг она была награждена боевым солдатским орденом – Орденом Славы III степени, который равен Георгиевскому Кресту, и для Валентины Ивановны это самая дорогая награда.

Война. Горькие потери друзей. Но случались на фронте и счастливые встречи, встречи на всю жизнь. Встретила и Валентина Ивановна свою судьбу – студента своего вуза, фронтовика Владимира Шапошникова.

Закончили войну и продолжили учебу в институте, получив дипломы, остались в вузе, стали учеными, немало сделавшими для научного обоснования развития физкультуры и спорта в нашей стране. Владимир Дмитриевич Шапошников до последних дней работал старшим преподавателем на кафедре лыжного спорта. Валентина Ивановна в Научно-исследовательском институте физической культуры пятнадцать лет была заместителем директора по научной работе.

Около двухсот научных работ – авторский арсенал кандидата педагогических наук Валентины Ивановны Шапошниковой. И среди них особое место занимают работы, посвященные биоритмам человека, хронобиологии и хрономедицине.

И хотя этот раздел биологии, изучающий условия возникновения, природу, закономерности и значение биологических ритмов, интересовал еще учёных античной древности – Платона и Аристотеля и философов Возрождения – Ф. Бэкона и Т. Браге, – в наши дни идеи хронобиологии, уже попавшие в сферу внимания многих ученых, вызывали у некоторых деятелей от науки непонимание и желание спихнуть на обочину докучную проблему.

В одну из таких трудных минут Валентина Ивановна оказалась в роли непонятой и отторгнутой, она обратилась к академику Василию Васильевичу Ларину, который изучал роль биоритмов в регуляции функций организма и их изменений в условиях космического полета.

Академик Парин сказал:

– Никого не слушай, работай, ты на правильном пути.

Это была очень весомая поддержка, и Валентина Ивановна продолжила свою так нужную людям научную работу. Это и строго научные статьи в специальных журналах, и научно-популярные просветительские работы в различных изданиях. И ее книга «Волны жизни (биоритмы и здоровье)». Однажды ей пришлось анализировать авиационные происшествия по вине летчиков. Уверенная в правильности своих выводов, основанных на глубоких исследованиях и подтвержденных статистическими данными, она изучила представленные авиаторами материалы и дала строго научные рекомендации, в какие периоды летчикам-курсантам лучше работать на тренажерах, а не поднимать в небо самолеты, так как в определенные отрезки времени у каждого человека снижаются внимание, скорость реакции, эмоциональный тонус.

«Биоритмы – часы здоровья», – утверждает Валентина Ивановна и учит, как грамотно пользоваться этими часами.

Ученые двадцати пяти стран мира съехались в немецкий город Батхонбург, чтобы обсудить эти важные проблемы. Заметным явлением на этой конференции стал доклад об эндогенном цикле человека, прочитанный Валентиной Ивановной на немецком языке.

А в канун 2002 года из Кемеровской медицинской академии ей прислали монографию «Хронология в кардиологии и кардиохирургии» под редакцией члена-корреспондента РАМН Л.С. Барбараша. На первой странице монографии написано, что кемеровские иммунологи, кардиологи и кардиохирурги в своих работах опирались на последние пионерские исследования петербургского ученого Валентины Ивановны Шапошниковой, за что они её искренне благодарят.

И действительно, как важно знать особенности действия биологических часов человека. Это важно знать врачу, готовящему пациента к операции, командирам, отправляющим летчика в полет, водолаза под воду, моряка в море...

Для меня, далекой от медицины, трудны такие науки, как хронология и хрономедицина, но Валентина Ивановна так просто объяснила их важность в своей книге с прекрасным названием «Волны жизни».

Когда с крутой волны грозových сороковых посмотришь на жизнь этой замечательной женщины, кавалера Ордена Славы, неутомимого ученого, заботливой мамы, внимательной бабушки и нежной прабабушки, понимаешь, почему старость к ней не смеет приближаться.

Эти заметки были написаны в 2002 году, а в 2004 вышла книга Владимира Туркина «С искусством кровное родство», и в ней несколько стихотворений Валентины Ивановны. Одно из них призывает:

*Самолёты в небе где-то, где-то...
Где-то, где-то SOS кричит эфир
Люди, не забудьте памятное лето,
Лето сорок первого! Берегите мир!*

А на днях в газете «Лесгафтовец» № 3 (1606) прочитала:

«24 февраля 2010 года в торжественной обстановке под звуки духового оркестра в Доме офицеров Санкт-Петербурга на Литейном прошла презентация первого тома книги «Герои Великой Отечественной войны 1941–1945» из серии «Петербургский парадный портрет» (всего предполагается издать 7 томов). Автором фундаментального труда стал военный историк, профессор В. Доценко, а средства на издание книг выделил Председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ С.М. Миронов. Он же и вручал книги героям публикации – питерским фронтовикам, среди которых была научный сотрудник ГНИИ СЭП и СОТ нашего университета Валентина Ивановна Шапошниковая, до сих пор участвующая во всех вузовских мероприятиях, активно ведущая научно-педагогическую работу. Её энергии может позавидовать не один молодой учёный. Поздравляем В.И. Шапошникову с высокой оценкой её героической военной молодости и желаем ей спортивного лесгафтовского оптимизма, здоровья и долгих лет жизни».

И добавлю от себя – доброго Вам здоровья и успехов в научной работе, дорогая Валентина Ивановна!



Валентина Ивановна Шапошникова, ветеран Великой Отечественной, 2010 г.

ШТУРМАН ПИКИРУЮЩЕГО БОМБАРДИРОВЩИКА Николай Федорович Миронов



1940 год. Начало военной судьбы

Те, кто после горячих боёв встречал Первый День Победы в далеком 45-м, сегодня – пожилые люди. Они редко надевают боевые ордена, но никогда не забывают те суровые, смертельные испытания, что довелось им пройти на жестоких дорогах войны.

Шли они к Победе в общем народном строю, но у каждого была своя дорога к ней, и долг нынешних и грядущих поколений – запечатлеть в памяти каждую военную судьбу, судьбу патриотов Родины. И как прекрасно, что наши дорогие Ветераны, Победители, Патриоты не предали этого святого слова за долгие годы, на которые пришлось и смутные времена, когда «фарисеи-менялы» извращали истинную цену дорогих слов. Наши ветераны Великой Отечественной остаются Патриотами Родины. И дай Бог, чтобы они увидели свою страну достойной их светлого патриотизма.

Сегодня мы знакомим читателей с доблестным воином, вдумчивым ученым и прекрасным человеком Николаем Федоровичем Мироновым.

Родился он еще в Петрограде в 1922 году, а когда ему исполнилось пять, семья переехала в Стрельну и поселилась в коммуналке, устроенной в бывшей даче балерины Кшесинской. Вскоре старший брат пошел в школу, и шестилетний Коля тоже стал ходить в Константиновский дворец – там была открыта школа – вольнослушателем-первоклассником, учительница не возражала, пусть мальчик учится.

Когда перед войной во дворце открыли музей Петра I, Мироновы отдали туда свои любительские снимки знаменитой дачи, увеличенные, они вписались в экспозицию, и подросший Коля, приезжая в Стрельну с друзьями, показывал им эти фотографии на стендах музея.

Вернувшись в Ленинград, братья учились в разных классах – Николаю снова пришлось идти в первый класс. Жили в центре города и учились на Фонтанке, школа была в доме, который «участвует» в фильме «Зимняя вишня». Школа была образцовая, важную роль в ней играли педагоги. Но их строгость не могла унять лихую энергию пятиклассников – они шалили, как и положено пятиклашкам. Но однажды буйный пятый класс тихо-тихо пришел в раздевалку, молча оделся и покинул школу. Это было в декабре 1934 года. Дети пошли в Таврический дворец прощаться с любимцем ленинградской детворы Сергеем Мироновичем Кировым. Несколько часов отличники и двоечники вместе простояли на морозе, чтобы пройти мимо гроба Мироныча...

Но уход из школы без разрешения дирекции был расценен как недопустимое нарушение дисциплины, и класс был расформирован, вскоре Миронов оказался в другой школе, тоже на Фонтанке, но уже не образцовой, и эта обыкновенная рядовая школа стала для Николая счастливой – тут он встретил друга на всю жизнь.

Николай и Гарри сидели на одной парте, сразу подружились, а когда в восьмом классе Николаю вручили отцовское охотничье ружье, то и Гарри купили двустволку. Мальчики ходили на охоту, и их трофеи были немаловажным подспорьем в семейном рационе.

А летом Николай ездит в родную деревню отца Неприе, что вблизи озера Селигер. Там он впервые садится в лодку с парусом, и это стало любовью на многие годы. Он ходил под парусом с Александром Александровичем Брянцевым, создателем ТЮЗа, объездил все бухточки и протоки на Селигере с Отто Юльевичем Шмидтом на его крейсерском швертботе «Муа». И так естественны были знакомство и дружба юного Николая с этими замечательными людьми, как и с инструктором по парусному спорту капитаном Добрыниным.

Не было тогда телевизоров, «радиотарелка» мало интересовала мальчишек, они много читали, и книги формировали увлечения и характеры. Книга о воздухоплавании возбудила мечту о полетах...

Вот уже и десятый класс окончен. Идет тревожный сороковой год. Ребята подают документы в военное училище, но Гарри остается учиться в Ленинграде, а Николая военкомат отправляет в далекий город Иркутск в военное авиатехническое училище. Так началась его военная судьба, надолго разлучившая с мамой, любимым городом, другом...

Коренной питерец, он служил на Дальнем Востоке, в жаркой Средней Азии, на Урале, на суровом Севере. В 1941 году, окончив училище, служил в Забайкальском военном округе и Монгольской народной республике.

Уже шла война, и в авиационных войсках не хватало летчиков. Двадцатилетний авиамеханик Миронов подаёт заявление об отправке его в авиационное училище. Некоторые сослуживцы не очень одобряли желание молодого ленинградца и не спешили последовать его примеру: служба в далёком тылу гарантировала жизнь, а на фронте... Что ж, было и такое – из песни слова не выкинешь. Но Миронов поступает в школу морских летчиков и заканчивает знаменитое в среде военной молодежи Военно-морское авиационное училище имени Леваневского. Теперь он штурман боевой машины, навигатор и, как показали война и послевоенная служба, навигатор от Бога..

Первым из группы выпускников училища, прибывших в полк, Миронов совершил боевой вылет ведомым в звене старшего лейтенанта Калашникова. Вот как он об этом вспоминает:

– Вышли на цель не сходу, а со стороны солнца, командир предупредил: «Боевой курс. Приготовить бомбовооружение!» Я включил бомбосбрасыватель и занял устойчивое положение, удобное при вводе в пикирование. Вслед за ведущим пошли в пикирование. Бомбы сброшены, и штурмана страшная сила придавливает вниз. Ноги подогнулись, сел на пол, все же поднялся и к пулемету.

Хорошо, что не было истребителей противника. Во время вывода из пикирования самолет Пе-2 находится в беспомощном состоянии и часто бывает удобной мишенью для врага. При отходе от цели увидел два горящих корабля.

Это не суеверие и не байки бывалых авиаторов, но все знали, что если экипаж не погибает в первых трех полетах, то летать ему потом и летать. Миронов это испытание прошел успешно. Может, ему везло? Среди авиаторов до сих пор обсуждаются такие понятия, как «случайность», «повезло», «не повезло».

Был у Миронова такой случай. В воздушном бою «ранило» самолет. Приземлились на аэродроме, глянули на свою машину и ахнули – зияла дыра, в которую свободно мог пролезть взрослый человек.

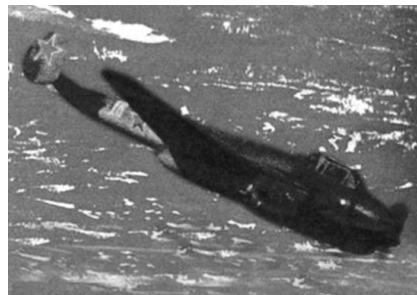
– Нам, конечно, не повезло, что снаряд попал в самолет, – вспоминает Николай Федорович, – но что не затронуло взрывом ни один важный элемент управления машиной, нам даже очень повезло!

Размышляя о роли и значении случая и закономерности в жизни авиаторов, Николай Федорович убежден, что в службе не бывает мелочей и каждое действие должно быть обдуманное и закономерное обеспеченным всем необходимым для успешного полета. Это может быть и не гарантия от случайности, но все же, все же... Вспоминается ветерану одно необычайное приключение в воздухе:

– Это действительно был запоминающийся случай. Наш экипаж немного отстал от группы после вывода из пикирования. Мы старались поскорее занять свое место в строю, однако наши самолеты отходили от нас в сторону. Наконец, командир эскадрильи передал по радио: «Отойдите от группы, у вас не сбросилась бомба». Командир говорит мне: «Нам передают, что у нас не сбросилась бомба». Отвечаю – зеленые лампы горят, значит, никаких бомб нет. Командир: «Посмотри в прицел, передают, что бомба болтается под самолетом». Я посмотрел в прицел и весь похолодел. Действительно, под нами болталась 500-килограммовая бомба на тросу в палец толщиной. В довершение еще этот трос оказался длиннее, чем тросик вилки от взрывателя. Она, естественно, вырвалась и освободила вертушку. Короче говоря, бомба была в боевом состоянии. Она раскачивалась из стороны в сторону. Одного удара о центроплан или мотогондолы было бы достаточно, чтобы мы взорвались.

Летели над вражеской территорией, и, чтобы самолет не стал добычей фашистских самолетов, терпящим бедствие дали прикрытие из четырех истребителей, которые летели не очень близко, чтобы в случае чего не взорваться всем вместе. Тем временем лётчик делал все возможное, чтобы бомба оторвалась: он плавно маневрировал, пытался повернуть бомбу поперек потока воздуха. Ничего не получалось. «Если бомбу не сбросим, придется покинуть самолет», – сказал командир.

– Летчику хорошо, он выпрыгивает через верхний люк кабины, – продолжает Миронов, – мне же надо прыгать через нижний входной люк. При таком прыжке сам столкнешься с бомбой, сяду верхом на нее, как барон Мюнхгаузен на ядро. Я периодически с замиранием сердца смотрел через прицел на бомбу – никаких изменений. Вдруг по радио один из сопровождавших нас истребителей сообщил: «У вас бомба оторвалась!». Я тогда глубоко вздохнул, будто тяжелый груз спал с меня. Но настоящий страх меня охватил уже на земле, когда лег спать и в уме анализировал этот случай, который закономерно был подготовлен обстоятельствами и человеческим фактором. Дело в том, что забыли(!) вытащить болт, которым крепился замок троса бомбы. Возможно, счастливый случай – все закончилось благополучно.



Пикирующий бомбардировщик Пе-2 над морем



Профессор Н. Ф. Миронов 9 мая 2005 года

Долголетняя военная служба полковника Миронова – широкое поле для размышлений о значении и роли случая и закономерности в такой области человеческой деятельности, как авиация. И он часто вспоминал и анализировал свои боевые вылеты...

50 боевых вылетов во время Великой Отечественной войны, два ордена Красного Знамени, два – Красной Звезды, орден «Отечественной войны II степени», медаль «За боевые заслуги» и еще почти два десятка медалей на парадном кителе Николая Федоровича.

После Победы в Великой Отечественной воевал и служил на Дальнем Востоке, закончил Военно-Воздушную Академию и уже семейным человеком служил на разных штурманских должностях, летал на различных типах самолетов, в том числе и на сверхзвуковых. С должности заместителя главного штурмана авиации Дважды Краснознаменного Балтийского флота пришел в Военно-Морскую Академию – учить молодых авиаторов штурманскому искусству.

Сначала жили в маленькой квартирке мамы, потом получили две комнаты в коммуналке – всегда трудно было в Ленинграде семейным офицерам с квартирами, но всё же дождались и отдельной.

И какая радость снова жить в родном городе, ходить на яхте по Финскому заливу, приглашая на борт друзей; отправляться в дальние походы, показывать друзьям-сослуживцам снятые в этих морских походах фильмы.

Но не только из радостей складывается жизнь. Тяжёлые потери не обошли семью Мироновых: трагическая гибель сына ускорила уход из жизни горячо любимой жены...

Более десяти лет Николай Фёдорович служил на кафедре штурманской службы и боевого применения оружия авиации ВМФ в Военно-морской академии им. Н.Г. Кузнецова.

Но и уволившись в 1975 году с военной службы, Николай Федорович продолжает обучать авиаторов – уже гражданских. Много лет он преподавал на кафедре «Аэронавигации и штурманского обеспечения полетов» в Академии Гражданской авиации. И еще он – автор замечательной книги «В погоне за горизонтом».

Зимой 2002 года друзья и товарищи Николая Фёдоровича торжественно отметили его 80-летие. В честь юбиляра были прочитаны стихи.

Четыре пятых двадцатого века
У Вашего поколения за плечами.
Для простого советского человека
Это век бед, побед, радости и печали.

Росли с родной страной мальчишки
Озорные, как во все времена.
Они читали хорошие книжки
И пели в строю: «Если завтра война»...

А когда полыхнуло от края до края
И почернел небосвод голубой,
Их позвала Отчизна родная, –
Подростшие мальчишки ринулись в бой.

Сколько же горя и бед повидали
Они на курсе своем боевом.
Горят на груди ордена и медали –
Светлая память о времени том.

Мир наступил: учеба, женитьба,
В безмерное счастье хочется верить,
И каждый денечек в радости жить бы,
Но жизнь – это жизнь: обретенья, потери.

Вам на пути этом трудном досталось
Все, что по жизни случается с нами:
Счастье и горе, печаль и радость
Всегда Вы делили с семьей и друзьями.

Ваш юбилей - всего остановка,
Чтоб призадуматься и понять, –
Яхту свою Вы по-штурмански ловко
Ведете по жизни с оценкою «Пять!»

Мы тостов заздравных не пожалеем,
Но очень хочется Вам предложить:
Давайте до Сотого Юбилея
В здоровье и дружбе, в согласии жить!

Казалось, что судьба подарит нам долгие годы общения, но в сентябре 2005 года Николая Фёдоровича не стало. Осиротели дочь и внука.

Светлая память о воине-победителе Николае Фёдоровиче Миронове всегда живёт в сердцах всех, кто долгие годы жил и работал рядом с ним.